Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401^{6} и пункта 1 части второй статьи 401^{10} Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П.Атрощенко

город Санкт-Петербург 23 сентября 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47^{1}, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401^{6} и пункта 1 части второй статьи 401^{10} УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.П.Атрощенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В.Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, а согласно статье 401^{6} того же Кодекса пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. В силу же пункта 1 части второй статьи 401^{10} УПК Российской Федерации по результатам изучения кассационных жалобы или представления судья может вынести постановление об отказе в их передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке.

А.П.Атрощенко связывает нарушение своих конституционных прав с применением приведенных норм в его деле.

1.1. Уголовное дело в отношении А.П.Атрощенко по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 327 УК Российской Федерации, возбуждено дознавателем 24 января 2014 года, а по окончании производства по делу прокурор дважды возвращал его – для производства дополнительного дознания и для пересоставления обвинительного акта. 4 августа 2014 года оно направлено мировому судье, который также дважды

вернул дело прокурору – для устранения нарушений и для пересоставления обвинительного акта. Постановлением от 22 декабря 2016 года уголовное преследование А.П.Атрощенко прекращено за отсутствием состава преступления с признанием его права на реабилитацию.

Постановлением от 13 марта 2017 года Находкинский городской суд Приморского края удовлетворил требование А.П.Атрощенко о возмещении имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, но прокурор 5 мая 2017 года отменил постановление о прекращении уголовного дела, ввиду чего и судебный акт о компенсации реабилитированному вреда отменен апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 23 мая 2017 года. Затем решение прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела признано незаконным постановлением Находкинского городского суда от 5 июня 2017 года, на которое, однако, государственный обвинитель подал представление. Представление удовлетворено апелляционным постановлением от 1 августа 2017 года, притом что и его, в свою очередь, отменил президиум Приморского краевого суда и 13 ноября 2017 года направил дело на новое апелляционное рассмотрение. В рамках нового рассмотрения Приморский краевой суд 12 декабря 2017 года оставил в итоге без изменения указанное выше судебное решение, которым отмена постановления о прекращении уголовного дела признана незаконной.

Вследствие такой процессуальной деятельности, поскольку судебный акт о компенсации вреда был отменен, А.П.Атрощенко снова обратился в суд за соответствующим возмещением. Находкинский городской суд постановлением от 5 октября 2018 года взыскал в пользу А.П.Атрощенко с Министерства финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства по Приморскому краю за счет казны Российской Федерации расходы на оплату юридической помощи по уголовному делу (1 203 140 руб. 8 коп.), расходы, связанные с рассмотрением вопросов реабилитации (92 141 руб.), и расходы на оплату экспертных услуг (21 087 руб. 24 коп.). С этим согласились вышестоящие суды (апелляционное

постановление Приморского краевого суда от 11 декабря 2018 года и постановление судьи Приморского краевого суда от 26 февраля 2019 года). Но 16 августа 2019 года, уже после исполнения судебного акта о возмещении вреда, судья Верховного Суда Российской Федерации постановил передать кассационную жалобу названного Управления в Приморский краевой суд, президиум которого 28 октября 2019 года отменил решение суда второй инстанции и направил дело на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года решение суда первой инстанции от 5 октября 2018 года изменено со снижением присужденной суммы и с поворотом его исполнения. На реабилитированного возложена обязанность возвратить 900 027 руб. 77 коп., поскольку это, по мнению суда, не ухудшает положения А.П.Атрощенко и ведет к восстановлению прав и законных интересов Российской Федерации. В передаче жалоб на указанное апелляционное постановление для их рассмотрения в кассационной инстанции реабилитированному отказано, как и названному Управлению, которое тоже обжаловало взыскание, полагая, что его сумма даже в сниженном размере не отвечает требованиям разумности, достаточности и справедливости. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации согласился с таким отказом, как это следует из его письма от 8 декабря 2020 года.

Суды между тем не ставили под сомнение действительность расходов А.П.Атрощенко на оплату юридической помощи. Так, Находкинский городской суд определением от 29 сентября 2020 года рассрочил ему исполнение апелляционного постановления Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года на пять лет с уплатой из возвращаемой суммы по 15 000 руб. 46 коп. ежемесячно. При этом суд учел семейное положение А.П.Атрощенко и наличие на его иждивении нетрудоспособных членов семьи, а также семейный доход и кредитные обязательства супругов, усматривая в том исключительное обстоятельство, затрудняющее исполнение судебного акта. Суд установил, что деньгами, которые были

взысканы в пользу А.П.Атрощенко в сумме 1 316 368 руб. 32 коп. по постановлению Находкинского городского суда от 5 октября 2018 года и выплачены ему 7 марта 2019 года, он гасил свои долги по займам, сделанным ранее для оплаты работы адвоката. Согласно же апелляционному определению от 19 ноября 2020 года, которым Приморский краевой суд отклонил доводы жалобы названного Управления на решение о рассрочке, «материалами дела подтверждено, что обязанность по возврату А.П.Атрощенко ранее полученной крупной суммы возникла из обязательств государства возместить ущерб А.П.Атрощенко, связанный с продолжительным незаконным уголовным преследованием. …Данная обязанность возникла не как ошибочно переведенная сумма или неосновательное обогащение, а исключительно из позиции суда апелляционной инстанции о разумности расходов на адвоката, которые реально были понесены реабилитированным». Приморский краевой суд поддержал и ту позицию, что «последующее изменение судебного решения судом апелляционной инстанции не должно изменять повышенной публично-правовой защиты лица, пострадавшего в результате незаконного уголовного преследования».

А.П.Атрощенко утверждает, что оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 47 (часть 1), 48, 53 и 55 (часть 2), поскольку позволяют судам, вопреки условиям договора о предоставлении юридических услуг, отказывать реабилитированному в возмещении имущественного вреда в части сумм, выплаченных адвокату за оказание юридической помощи на условиях разумной помесячной оплаты, а равно ухудшать положение реабилитированного по истечении года после вступления в законную силу решения о компенсации расходов на адвоката и рассматривать жалобу реабилитированного на апелляционное постановление о возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, на условиях выборочной, а не сплошной кассации.

1.2. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих

статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации.

Однако, оспаривая конституционность пункта 1 части второй статьи 401^{10} УПК Российской Федерации, А.П.Атрощенко связывает нарушение своих прав с тем, что эта норма, по его утверждению, не подлежала применению в его деле, поскольку постановление Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 года не относится к промежуточным судебным решениям и этот судебный акт надлежало пересматривать по правилам сплошной кассации, как это следует, по словам заявителя, из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47^{1} Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». Тем самым в этой части обращение заявителя предполагает оценку законности конкретного судебного решения, что не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Что же касается единоличного предварительного изучения судьей поступившей кассационной жалобы, конституционность чего также ставит под сомнение А.П.Атрощенко, то по этому поводу Конституционный Суд Российской Федерации замечал во многих своих решениях, что такой порядок нельзя считать нарушающим права граждан (Постановление от 25 марта 2014 года № 8-П; определения от 29 марта 2016 года № 613-О, от 20 апреля 2017 года № 832-О, от 25 января 2018 года

№ 200-О, от 25 июня 2019 года № 1790-О, от 30 января 2020 года № 221-О и др.).

Это означает, что производство по настоящему делу в отношении пункта 1 части второй статьи 401^{10} УПК Российской Федерации подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», поскольку жалоба А.П.Атрощенко не отвечает в этой части условиям допустимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, пункт 4 части первой статьи 135 и статья 401^{6} УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они служат нормативным основанием для решения вопроса о размере компенсации расходов на оплату юридической помощи адвоката при возмещении реабилитированному имущественного вреда, связанного с его уголовным преследованием, в том числе о снижении размера уже уплаченного ему возмещения при пересмотре и повороте исполнения судебного решения о присуждении соответствующих сумм.

2. Конституция Российской Федерации признает право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53), гарантируя реализацию этого права обязанностью государства обеспечивать защиту, в том числе судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2), доступом к правосудию и правом потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на компенсацию нанесенного ущерба (статья 52). Этим гарантиям права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием (как обусловленным злоупотреблениями, так и не связанным с ними), корреспондируют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных

свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к ней (статья 3), которые провозглашают право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязывают государство предоставить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Государство не только должно пресекать незаконную следственную или оперативно-разыскную деятельность, необоснованное процессуальное принуждение и пр., предоставляя на то надлежащие средства прежде всего судебной защиты, но и связано обязательствами, которые закон возлагает на причинителя вреда. Обеспечивая – на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости – пострадавшим от неправомерного привлечения к уголовной ответственности лицам полное восстановление в правах, оно должно гарантировать им и максимально возможное возмещение причиненного вреда. При этом, по смыслу статьи 49 Конституции Российской Федерации, на гражданина не может быть возложена обязанность доказывать основания для возмещения вреда, непосредственно сопряженная с доказыванием невиновности в преступлении; он не может подвергаться излишним обременениям как более слабая сторона в такого рода правоотношениях. Предусматривая наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации ущерба специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных и обусловленные спецификой их статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты, государство обязано создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости решений о выплатах реабилитированным, способствовали бы скорейшему установлению размера причиненного им вреда и скорейшему его возмещению (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля

2010 года № 524-О-П, от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 года № 1058-О, от 2 апреля 2015 года № 708-О и др.).

3. Признавая за реабилитированным право на возмещение в том числе имущественного вреда, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет содержание и объем такого возмещения: пункт 4 части первой его статьи 135 прямо предписывает возмещать суммы, выплаченные лицом за оказание ему юридической помощи. Правоотношения по поводу такого возмещения имеют уголовно-процессуальное и в то же время гражданско-правовое (деликтно-правовое) содержание, что следует, в частности, из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года № 1-П, от 2 марта 2010 года № 5-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 15 июля 2020 года № 36-П, из его Определения от 2 ноября 2011 года № 1477-О-О и др., согласно которым порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу в уголовном судопроизводстве, определяют отраслевые законодательные акты, в первую очередь названный Кодекс, притом что они упрощают процедуру восстановления прав, поскольку гражданин, неправомерно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты.

Это также следует из части пятой статьи 133 УПК Российской Федерации, которая содержит ссылку на возмещение реабилитированным вреда в порядке гражданского судопроизводства, а также из части второй его статьи 135, которая распространяет исковую давность на требования о возмещении, и вместе с тем это вытекает из статьи 1082 ГК Российской Федерации, по которой лицо, ответственное за причинение вреда, должно возместить причиненные убытки согласно пункту 2 его статьи 15. Положения названного пункта включают в состав убытков и расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. При этом возмещение вреда в части таких расходов реабилитированного не изъято из-под правил статьи 1064 ГК Российской Федерации и связанных с ними положений, определяющих как общие условия деликтной (т.е. внедоговорной) ответственности за

причинение вреда (наступление вреда, его причинная связь с действиями причинителя, их противоправность, вина причинителя), так и специальные условия, касающиеся особенностей причинителя и характера его действий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2019 года № 26-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 149-О-О и др.).

Такое возмещение подпадает и под специальные правила статей 16 и 1069 ГК Российской Федерации, в силу которых убытки (вред), причиненные в результате незаконных действий или бездействия государственных органов и их должностных лиц, возмещаются соответствующими публично-правовыми образованиями за счет их казны, включая казну Российской Федерации. Пункт 1 статьи 1070 того же Кодекса, создавая преимущества для пострадавших граждан, предусматривает, что вред, причиненный им в том числе незаконным привлечением к уголовной ответственности, возмещается в полном объеме за счет казны Российской Федерации независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Тем самым приведенная норма вводит в пользу потерпевших от неправомерного уголовного преследования изъятие из общих начал гражданско-правовой ответственности, обусловленное повышенной защитой конституционных прав, прежде всего права на свободу и личную неприкосновенность (статьи 2 и 22 Конституции Российской Федерации), тогда как за иные незаконные действия или бездействие государственных органов и их должностных лиц, повлекшие причинение вреда, ответственность наступает, согласно статье 1069 ГК Российской Федерации, на общих условиях (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 года № 36-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года № 1005-О-О и др.).

Описанные условия возмещения вреда реабилитированным следуют не только из приведенных положений гражданского законодательства, но и из корреспондирующих им норм Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации (включая оспариваемые по настоящему делу), которые не исключают возмещения вреда по правилам гражданского и гражданско-процессуального законов, а равно применения общих начал гражданского законодательства, в частности обязанности действовать добросовестно при защите неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ, притом что добросовестность участников правоотношений и разумность их действий предполагаются (пункты 2 и 3 статьи 2, пункт 5 статьи 10 ГК Российской Федерации).

Часть пятая статьи 135 УПК Российской Федерации определяет порядок разрешения судьей требования о возмещении реабилитированному имущественного вреда со ссылкой на статью 399 того же Кодекса, распространяя тем самым на соответствующее разбирательство применимые к нему правила главы 47 УПК Российской Федерации, которые регулируют производство по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, предусматривая в том числе их разрешение по ходатайству реабилитированного. Это во всяком случае не отменяет действия гражданско-правовых правил возмещения вреда и их применения во взаимосвязи со специальными правилами уголовно-процессуального закона во исполнение приведенных выше конституционных установлений, включая предписания статей 52 и 53 Конституции Российской Федерации о возмещении государством нанесенного ущерба.

3.1. В Определении от 2 апреля 2015 года № 708-О, принятом по запросу районного суда, оспаривавшего конституционность пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют судам уменьшать до разумных пределов, исходя из принципов соразмерности и справедливости, подлежащую возмещению из бюджета в порядке реабилитации сумму, потраченную реабилитированным на оплату юридической помощи, Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее.

Как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, названные нормы обязывают суд включить

в объем возмещения имущественного вреда, причиненного лицу в результате неправомерного уголовного преследования, все суммы, фактически выплаченные им за оказание юридической помощи, а также фактически понесенные им затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации. Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что в главе 18 УПК Российской Федерации нет специальных правил, которые позволяли бы судам по своему усмотрению уменьшать размер возмещения вреда исходя из доказанного в судебном заседании размера действительно понесенных реабилитированным расходов, и на этом основании заключил, в частности, что пункты 4 и 5 части первой статьи 135 того же Кодекса направлены на выполнение государством своей конституционной обязанности полностью возместить вред, причиненный реабилитированному действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц в ходе уголовного преследования. Более того, действующий уголовно-процессуальный порядок признания права на компенсацию имущественного вреда, прежде всего указанные положения, дает реабилитированным преимущества в доказывании оснований и размера истребуемого возмещения, освобождая их от бремени такого доказывания и вместе с тем оставляя за ними такое право, как это следует из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П и от 14 ноября 2017 года № 28-П, а равно из его определений от 2 апреля 2015 года № 708-О, от 23 июня 2015 года № 1397-О, от 19 июля 2016 года № 1728-О и др.

Рассматривая требования реабилитированного, суд обязан в соответствии с общими правилами доказывания установить подлежащий возмещению размер вреда, в том числе размер расходов, понесенных на оказание юридической помощи. Для этого суд вправе как по ходатайству заинтересованных лиц, так и по своей инициативе получить необходимые доказательства, включая заключение эксперта и показания свидетелей. При этом, поскольку бремя доказывания размера возмещения не возлагается на самого реабилитированного, сомнения относительно такого размера должны

толковаться в его пользу. С этим не расходятся и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в абзаце третьем пункта 17 постановления от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», согласно которым уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда; при недостаточности сведений, представленных реабилитированным в подтверждение своих требований, суд оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, а при необходимости и принимает меры к их собиранию.

3.2. Изложенное вместе с тем не отрицает принципиальных оснований деликтной ответственности, среди которых причинно-следственная связь являет собой *conditio sine qua non* (непременное условие) обязательства возместить причиненный вред. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 2 апреля 2015 года № 708-О, по смыслу норм главы 18 УПК Российской Федерации и с учетом их толкования судебной практикой возмещению подлежат фактические расходы реабилитированного, которые непосредственно находятся в причинно-следственной связи с оказанием ему юридической помощи.

Это буквально следует не только из гражданского законодательства, но и из положений самой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статей 52 и 53. Они обязывают государство обеспечивать возмещение именно причиненного вреда, т.е. вреда, в отношении которого установлено, что он причинно обусловлен деяниями, в частности, органов публичной власти и должностных лиц, а не просто с ними сопряжен – косвенно или предположительно. В этом смысле причинно-следственная связь не может быть обнаружена, если расходы реабилитированного по договору о юридической помощи относятся к оплате услуг, не обусловленных защитой

по уголовному делу, неуместных по смыслу позиций, которые сторона защиты реально могла поддерживать по делу подозреваемого, обвиняемого и реабилитированного впоследствии лица. Более того, если такому лицу предложены и тем более навязаны услуги, явно неуместные в защите от уголовного преследования по его делу, а он согласился их оплатить лишь из доверия к адвокату как зависимый от его мнения, то расходы на оплату и этих услуг не могут быть поставлены в причинно-следственную связь с вредом от неправомерной уголовно-процессуальной деятельности.

Соответственно, такие расходы нельзя отнести к понесенным потерпевшим на восстановление нарушенных прав согласно положениям деликтного права во взаимосвязи с уголовно-процессуальными правилами реабилитации. Не исключено, что такие расходы могут быть правомерно обоснованы, в частности, свободой договора, что, однако, само по себе не влечет возникновения деликтных обязательств государства в отношении реабилитированного и не определяет их объем.

3.3. Кроме того, избыточное возмещение вреда не исключено, когда реабилитированный рассчитывает на выгоды, явно не оправданные назначением реабилитации. Как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 708-О, если судом будет установлено (в том числе на основе документов, заключений экспертов, иных специалистов и других доказательств), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах рыночных значений, существовавших на момент ее оказания, то он присуждает к возмещению лишь сумму, являвшуюся – с учетом всех обстоятельств дела, объема работы, квалификации субъектов оказания юридических услуг, а также правила о толковании сомнений в пользу реабилитированного – объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи.

Изложенное, однако, не означает, что государство вправе ожидать и требовать от лиц, попавших под уголовное преследование, осуществления

права на получение юридической помощи по низкой, а тем более – по наименьшей стоимости этих услуг. Следовательно, высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может как таковая служить поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда, конституционно гарантированное каждому потерпевшему от незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Незаконное или необоснованное уголовное преследование само по себе может мешать потерпевшему быть осмотрительным и умеренным в расходах на оплату юридической помощи, а потому значительные затраты на услуги адвоката при защите конституционных прав и ценностей от такого преследования нельзя считать беспочвенными. К тому же обвиняемый (подозреваемый) имеет основания притязать на юридическую помощь хорошего качества и получать ее в достаточном объеме сообразно интенсивности и длительности осуществляемой против него обвинительной деятельности. Не исключено и получение адвокатских услуг без видимой процессуальной активности стороны защиты, когда она готовится квалифицированно ответить на действия стороны обвинения, предполагая их в разных вариантах постольку, поскольку уголовное преследование протекает с долгими перерывами при неясной позиции обвинения, оставляя обвиняемого (подозреваемого) в неизвестности под угрозой лишения либо ограничения принадлежащих ему прав и благ в перспективе применения уголовно-правового принуждения.

При таких обстоятельствах отказ в признании расходов реабилитированного на оплату юридической помощи нельзя считать справедливым. Нельзя считать правильным и снижение размера возмещения, присуждаемого реабилитированному, на том основании, что он, вместо отдельных услуг, помесячно или поквартально оплачивал серией платежей длительно получаемую юридическую помощь. Тем более такое снижение не может быть оправданным, когда длительная защита по уголовному делу обусловлена затяжным уголовным преследованием с неоднократным прекращением и возобновлением производства по делу, что вынуждает

обвиняемого (подозреваемого) доказывать невиновность с избыточными затратами на отстаивание своих прав.

Несправедливо также снижение суммы возмещаемых ему затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда, особенно после реабилитации лица, пострадавшего от неправомерного уголовного преследования. Расходы, на которые лицо решается в обстановке такого преследования, нельзя считать безосновательными даже при некотором их превышении над средними, например, величинами адвокатского вознаграждения по месту ведения уголовного дела. Эти величины условны и не настолько очевидны, чтобы обвиняемый (подозреваемый) мог по ним предсказать стоимость адвокатских услуг, которую суд впоследствии посчитает разумной и справедливой в решении о возмещении реабилитированному вреда. В правоприменительной практике суждения о действительной стоимости юридических услуг сильно разнятся, поскольку зависят от оценочных по этому поводу представлений. Приблизительность подобных оценок не должна приводить к ущемлению права на возмещение вреда, который причинен реабилитированному в виде расходов на юридическую помощь, и отказ в полном его возмещении означал бы умаление конституционных прав и судебной их защиты вопреки статьям 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 53, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Если бы законодательство и судебная практика неизменно ориентировали суды на снижение размеров возмещения вреда реабилитированным до наименьших величин, это вело бы к падению объема и качества предоставляемой юридической помощи, ограничивая право на ее получение, гарантированное каждому статьей 48 Конституции Российской Федерации. Между тем названное право не подлежит ограничению в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, как это подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 27 марта 1996 года № 8-П, от 28 января 1997 года № 2-П, от 27 июня 2000 года № 11-П и в иных своих решениях.

Оценку необходимости и достаточности возмещения расходов на оплату юридической помощи, полученной реабилитированным, определяют прежде всего конституционные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина от вреда, причиняемого государством, а также обстоятельства уголовного дела, как следует в том числе из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 708-О. Указанные обстоятельства должны быть учтены при возмещении вреда, что вытекает из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2019 года № 26-П, Определения от 17 января 2012 года № 149-О-О и других его решений, где он придавал значение не только особенностям причинителя вреда, но и характеру его действий. В Постановлении же от 14 января 2016 года № 1-П он указал на то, что принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства гарантируют гражданам строгое исполнение законодательных предписаний уполномоченными государством органами при внимательной и ответственной оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав. В постановлениях от 22 июня 2017 года № 16-П и от 2 июля 2020 года № 32-П Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на существенное значение, которое при разрешении споров с участием публично-правовых образований имеет оценка действий или бездействия органов, уполномоченных действовать в интересах таких образований, в частности ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, совершение ошибок, разумность и осмотрительность в реализации ими своих правомочий.

3.4. Право на помощь адвоката и право на возмещение государством ущерба, причиненного неправомерным уголовным преследованием, не могут, как и другие права и свободы, осуществляться в нарушение прав и свобод иных лиц – это запрещено статьей 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В то же время злоупотребление правом со стороны реабилитированного и (или) его адвоката не может быть предположительным

и должно быть установлено судом. Это соотносится не только с презумпцией добросовестности в осуществлении гражданских прав, но и со статьей 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Из сказанного, таким образом, следует, что размер присуждаемого реабилитированному возмещения не может быть ограничен (снижен) по мотивам недостаточной обоснованности или избыточности расходов на оплату услуг адвоката, если их достоверность доказана, а добросовестность реабилитированного не опровергнута.

Следовательно, пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает – при конституционно-правовом истолковании этого законоположения в системе действующего правового регулирования – отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута. Среди подобных обстоятельств могут быть учтены, например, решения, принятые самим реабилитированным в рамках свободы договора и распоряжения своим имуществом, как то: решение о дополнительном вознаграждении адвоката сверх условленного по договору, принятое по завершении уголовного дела, и т.п. Изложенное, кроме того, не исключает права представителей казны просить суд о снижении возмещения, если за услуги адвоката назначена плата в необычно высокой величине и ее явная чрезмерность доказана в сравнении с аналогичными случаями, а также если реабилитированный пользовался услугами сразу нескольких адвокатов и

тем более адвокатских образований, притом что это не было обусловлено посменной работой адвокатов, их заменой ввиду долгого уголовного преследования или предоставлением неодинаковых по содержанию услуг разными адвокатами, когда существенные различия (преимущества) в их предметной специализации известны (доказаны) и с этим связано оказание ими юридической помощи специального профиля.

4. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 6 июля 1998 года № 21-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и других своих решениях пришел к следующим выводам. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости. Поскольку подобная проверка применительно к пересмотру вступивших в законную силу судебных актов как дополнительному, имеющему резервное значение способу обеспечения их законности означает, по сути, возможность преодоления их окончательности, законодатель, регулируя сферу уголовного процесса на основе статей 2, 46–53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств и располагая при этом достаточно широкой дискрецией в выборе мер по обеспечению прав всех участников уголовного судопроизводства, призван соблюдать в этой сфере баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей. Он должен учитывать требование неопровержимости окончательных судебных решений в качестве общего правила и устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая необоснованное возобновление судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и правовую

определенность. Следовательно, закрепляя сроки, в пределах которых допустимы обжалование или отмена судебных актов, вступивших в законную силу, надлежит исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей.

Так, регламентируя производство в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401^{15}), а кроме того, пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня их вступления в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401^{6}). В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок, а наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступать неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий (постановления от 20 июля 1999 года № 12-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.).

Правовой статус реабилитированного обусловлен тем, что он претерпел неблагоприятные последствия государственной деятельности. В Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что для обеспечения действенной и

справедливой судебной защиты права реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, необходимы гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права этого лица на реабилитацию независимо от того, на какой стадии судопроизводства оно реабилитировано, и такие гарантии следует неукоснительно соблюдать.

В этой связи правила реабилитации должны быть направлены в том числе на то, чтобы в отношениях, проистекающих из состоявшегося уголовного преследования и реабилитации, минимизировать новые неблагоприятные претерпевания реабилитированного лица, исходящие от осуществления – пусть даже надлежащего – органами публичной власти своих полномочий касательно его и его законных интересов. В частности, каждое новое погружение лица в обстановку судебных разбирательств, имеющих генезис в событиях его уголовного преследования, может быть для него психотравмирующим, чего государство, главной целью и ценностью которого является человек, должно максимально избегать в отношениях с гражданами, тем более находящимися в таком правовом положении, как реабилитированные. В ситуации, когда в кассационной инстанции ставится вопрос о снижении размера присужденной реабилитированному суммы в возмещение расходов на оплату юридической помощи, возникает именно такой негативный эффект. Он усугубляется, когда принятое кассационной инстанцией решение влечет поворот исполнения судебного акта с возложением на лицо, пострадавшее от неправомерной уголовной репрессии, денежных обязательств перед причинителем вреда, а тем более если должнику предстоит их исполнять за счет заработка, пенсий, пособий и других подобных доходов, которые служат средствами существования гражданина и его семьи.

Учтены должны быть и другие издержки для прав и законных интересов реабилитированного в той мере, в какой эти интересы и права могут пострадать вследствие ограничения или принудительного возврата суммы присужденного ему возмещения. Сказанное, безусловно, не должно

полностью исключать возможность кассационного обжалования органами, представляющими казну, решений судов о возмещении реабилитированному расходов, связанных с защитой, и не должно превращать решения суда апелляционной инстанции в окончательные, если реабилитированный полностью удовлетворен ими. Однако наличие разумных временных пределов для принятия судом кассационной инстанции решения, ухудшающего положение реабилитированного по сравнению с установленным решениями предшествующих инстанций, является, по сути, обязательным с конституционной точки зрения.

В то же время, как свидетельствуют документы по делу А.П.Атрощенко, в правоприменительной практике не исключается отмена судом кассационной инстанции решений нижестоящих инстанций со ссылкой на правила разумности, достаточности, справедливости, а также на невыяснение судом соответствия заявленной суммы возмещения сложности уголовного дела, объему выполненной адвокатом работы, количеству следственных и иных процессуальных действий и судебных заседаний, в которых адвокат принял участие, что в дальнейшем приводит к снижению уже уплаченных реабилитированному сумм возмещения расходов, которые он понес на оплату юридической помощи, с поворотом исполнения судебного акта и с возложением на него обязанности возвратить излишне полученное.

Статья 401^6 УПК Российской Федерации не выступает препятствием для этого. Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на свои правовые позиции, оправданно исходил в ряде решений из следующего. Установленные ею ограничения и условия кассационного пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, распространяются лишь на такие решения, которые определяют уголовно-правовой статус лица как виновного или невиновного в преступлении и подлежащего или не подлежащего уголовной ответственности, притом что, руководствуясь ими,

к этому лицу применяется наказание или же публично-правовая санкция, структурно обособленная от наказания и выраженная, как мера уголовно-правового характера, в возложении на это лицо обязанности претерпеть дополнительные, по отношению к наказанию, правоограничения уголовно-превентивного свойства, т.е. соотносимая по своей конституционно-правовой природе с наказанием по некоторым признакам, хотя и не тождественная ему (постановления от 11 мая 2005 года № 5-П и от 7 марта 2017 года № 5-П; определения от 27 сентября 2018 года № 2190-О, от 26 ноября 2018 года № 2863-О и от 26 февраля 2021 года № 323-О).

Возвращение же присужденных сумм в порядке поворота исполнения не относится к наказаниям или иным санкциям, а решение о нем не является как таковое судебным актом, который определял бы собственно уголовно-правовой статус реабилитированного в указанном выше смысле. Между тем в системе действующего регулирования положения названной статьи – единственный ограничитель ухудшения правового и фактического положения лица в отношениях, складывающихся в связи с его уголовным преследованием либо имеющих генезис в таковом. При таких обстоятельствах отсутствие в процессуальном законе, а по существу – ввиду концентрации в этой статье ограничений на поворот к худшему – отсутствие в ней правил, препятствующих ухудшению положения реабилитированного, которому на основании вступившего в законную силу решения суда были выплачены суммы в счет возмещения расходов на оплату юридической помощи, являет собою признак конституционно значимого пробела в законодательстве, что вступает в противоречие с гарантиями охраны достоинства личности, права на получение квалифицированной юридической помощи и права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 21, часть 1; статьи 48 и 53 Конституции Российской Федерации).

4.1. Таким образом, статья 401^{6} УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1),

48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования не ограничивает период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и принимая во внимание правовые позиции, выраженные в настоящем Постановлении, – внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование. При этом он не лишен возможности включить соответствующие нормы не в статью 401^6 УПК Российской Федерации, а в другие его положения либо предусмотреть иной срок, ограничивающий пересмотр судебного акта о возмещении причиненного реабилитированному вреда.

До вступления в силу изменений, вытекающих из настоящего Постановления, отсутствие в статье 401^6 УПК Российской Федерации указания на то, что недопустим пересмотр судом кассационной инстанции судебного акта о возмещении реабилитированному вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, влекущий поворот исполнения этого акта, не дает оснований осуществлять такой пересмотр за пределами года со дня вступления этого акта в законную силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47^1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за

оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть его расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

2. Признать статью 401^{6} УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 48 и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не ограничивает период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм.

3. Судебные акты по делу гражданина Атрощенко Алексея Петровича, вынесенные на основании статьи 401^{6} УПК Российской Федерации, а также пункта 4 части первой статьи 135 данного Кодекса в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности пункта 1 части второй статьи 401^{10} УПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 41-П